

Климов Григорий Петрович

КНЯЗЬ
МИРА СЕГО

Субъект

Москва

2024

ОТ АВТОРА

Мои книги являются анализом того, что называется Богом и дьяволом.

В судебно-медицинских книгах на эту тему обычно стоит предостережение: «Книга предназначена только для работников юстиции и медицины, священников, педагогов и людей, интересующихся психологией и социологией».

Благодаря особенностям анализируемой темы, требующей специальной исследовательской работы и авторских архивов, всю ответственность за содержание этой книги автор берёт на себя.

Ведь говоря о дьяволе, мы неизбежно столкнёмся с проблемой антихриста... Ещё наш знаменитый философ-чертоискатель Бердяев-Бердичевский говорил об этом, т. е. о постоянном союзе «Сатаны и Антихриста», но как только мы займёмся проблемой антихриста, нам тут же попытаются прилепить ярлык «антисемита».

Для этих людей, т. е. для всех тех, кто попытается упрекнуть меня в антисемитизме, я хочу напомнить, что у меня есть три хороших адвоката — не кто иные, как три кита сионизма.

Первый кит, идеолог сионизма номер один — Теодор Герцль, в своём дневнике писал, что он считает антисемитизм полезным.

Второй кит сионизма, В. Жаботинский, в 1905 году писал: «Как довод для сионистской агитации, антисемитизм, особенно „возведённый в принцип“, конечно, весьма удобен и полезен».

Третий кит сионизма, премьер-министр Израиля Бен-Гурион, в своё время писал в еврейской газете «Кемпфер» в Нью-Йорке: «Если бы у меня была не только воля, но и власть, я бы подобрал группу сильных молодых людей... Задача этих молодых людей состояла бы в том, чтобы замаскироваться под неевреев и, действуя методами грубого антисемитизма, преследовать... евреев антисемитскими лозунгами. Я могу поручиться, что результаты с точки зрения значительного притока иммигрантов в Израиль из этих

стран были бы в десять раз больше, чем результаты, которых добивались тысячи эмиссаров чтением бесплодных проповедей».

Итак, при помощи этих трёх очень авторитетных адвокатов автор из «антисемита» превращается чуть ли не в «сиониста».

Но кто же тогда те, кто бойкотируют мои книги? Ведь с точки зрения всех китов сионизма получается, что я поборник сионизма, а они, раз они против меня, значит, они «антисемиты»?

Вот потому философы и говорят, что дьявол страшный путаник и что это существо очень ироническое и саркастическое, хотя сам он не терпит иронии и насмешек.

Поэтому, во избежание возможных обвинений в антисемитизме, анализ Библии и её действующих лиц сделан мною, в основном, на базе иудейских религиозных текстов и академических работ нерелигиозных еврейских авторов.

Для ознакомления с взглядом на этот вопрос со стороны христианства, мусульманства, буддизма и других религий — я рекомендую читателю обратиться к трудам лиц, признанных каноничными лидерами своих религиозных общин.

Глава 1

ТИХИЙ АНГЕЛ

Имея очи, не видите? Имея уши, не слышите?
Марк. 8:18

Когда Максим Руднев был ребёнком, а это было ещё до революции, перед сном мать заставляла его молиться Богу. Максим безразлично бормотал под нос «Отче наш», а потом обращался к Богу с личной просьбой:

— Боженька, пожалуйста, сделай меня большим и сильным. А то вчера Федька Косой опять поймал меня на соседском дворе и побил. Сделай так, чтобы я мог побить всех. Так, чтоб одной левой рукой, одним мизинчиком.

Эту просьбу он повторял после каждой драки с Федькой Косым, который жил по соседству и считался самым отъявленным хулиганом на всю округу. Подумав, Максим шёпотом предлагал в обмен:

— Если хочешь, Боженька, то за это укороти мне немножко жизнь...

У Бориса же, который родился после революции, уже с детства проявлялся более практический подход к жизни. Если он не доедал чего-нибудь, мать серьёзно говорила:

— Смотри, Бобка, что остаётся на тарелке — это твоя сила. Если не съешь, потом тебя все девчонки бить будут.

Мальчишка верил этому и готов был вылизать тарелку и лопнуть, лишь бы девчонки не оказались сильнее его. Эта привычка подчищать тарелку осталась у него на всю жизнь.

Позже обнаружилось, что Максим пишет левой рукой. Младший брат поддразнивал старшего:

— Эй ты, левша! А ну, брось камень с правой!

Мать же сказала строго:

— Не смейся, Бобка. Это его Бог наказал, чтобы он не обращался к Богу с глупыми просьбами.

Хотя и левша, но школу Максим окончил с отличными отметками. Он поступил на исторический факультет Московского университета и мечтал стать профессором. Помимо профессорских амбиций он ещё любил командовать людьми. Потому он вскоре вступил в партию и даже выдвинулся в секретари факультетской парторганизации.

Дома же Максим любил подчёркивать свою роль старшего брата. Частенько он посылал младшего брата с записочками к девушкам, за которыми он ухаживал. Но только тогда, когда успех был обеспечен, — как свидетеля своих побед. Если же успех был под вопросом, Максим находил другие пути — без свидетелей.

Хотя Борис был значительно младше Максима, но к старшему брату он всегда относился довольно скептически. Может быть, потому что старший везде искал возможность покомандовать, а младший терпеть не мог, когда им командуют. Или, может быть, потому что левша Максим ещё умел шевелить ушами и часто демонстрировал это.

— В точности как осёл! — говорил младший. Несмотря на это, и университет Максим окончил с блестящими успехами. Так как он хорошо проявил себя в должности секретаря факультетской парторганизации, то вместо работы по специальности, учителем истории, он получил по партийной линии назначение на службу в ГПУ. Звание уполномоченного ГПУ, что в то время соответствовало чину капитана, вполне импонировало амбициям Максима. А тем более щеголеватая военная форма и малиновые петлицы, которые наводили страх на окружающих.

Максим никому не сказал о своём назначении, а потом вдруг появился дома в полной форме ГПУ. На поясе в новенькой кобуре поблёскивал маленький браунинг системы Коровина, что считалось в ГПУ особым шиком. Увидев зловещие петлицы, их отец, пожилой доктор-гинеколог, неодобрительно покачал головой:

— Я стараюсь продлить жизнь людей, а ты будешь заниматься её сокращением. Нехорошее это занятие.

Единственным, на кого форма и браунинг Максима не произвели ни малейшего впечатления, был младший брат. Первая стычка произошла у них, когда Борису исполнилось четырнадцать лет.

Максим сидел за столом и заполнял служебную анкету. Чтобы идти в ногу со временем и своей должностью, в графе о родителях он написал расплывчатое определение: «трудящиеся». Борис заметил это и решил, что этим брат отказывается от их отца.

— Отец не рабочий, а доктор, — сказал он. — Зачем ты врешь?

— Не твоего ума дело, — ответил старший.

— Сразу видно, что левша, — насмешливо бросил младший, — Всё слева делает.

— Молокосос! — вскипел уполномоченный ГПУ. — Сейчас я тебе уши надеру.

— Попробуй, — сказал школьник. Чтобы выровнять разницу в силах, он зажал в кулаке вилку и следил за каждым движением брата с таким деловитым спокойствием, что тот решил лучше не пробовать.

Как это ни странно, Максим нисколько не обиделся. Наоборот, потом даже хвастался своим приятелям:

— Вот у меня младший брат — чуть мне вилку в живот не засадил. Такого лучше не тронь.

Однако вскоре он сам же и забыл про свой совет. Следующая, уже более серьёзная, стычка произошла у них вскоре после того, как ГПУ переименовали в НКВД.

Жили они на тихой окраине Москвы во флигеле в глубине двора. Зимой, когда дворик заносило глубоким снегом, во флигеле топили кафельные голландские печи, где так приятно греть спину о кафельные изразцы. Уголь и дрова для печей приходилось носить вёдрами из погреба, для чего нужно было выходить во двор, что на снегу не особенно приятно. Эти прогулки в погреб считались поочерёдной обязанностью братьев, хотя с тех пор, как Максим надел малиновые петлицы, делал он это крайне неохотно.

Как-то мать послала Максима за углём. Борис лежал в соседней комнате на большом, покрытом ковром сундуке, который служил ему постелью, и читал увлекательный роман Райдера Хаггарда «Дочь Монтесумы». Старший брат вошёл в комнату младшего и небрежно приказал:

— Бобка, пойдика, принеси угля!

— Мать тебя послала — ты и иди, — возразил младший.

— Ты лучше слушай, что тебе говорят.

— Вот когда мать мне скажет, тогда я и пойду.

— Смотри, если через три минуты ты не пойдёшь, то я приду с собачьей плёткой! — пригрозил уполномоченный НКВД и вышел из комнаты. Собачья плеть всегда висела на вешалке в коридоре, как полагается в доме, где есть немецкая овчарка.

Младший отложил книжку в сторону, встал с сундука и потихоньку вытянул нижний ящик стола. Под учебниками физики и химии там лежал медный кастет, уже проверенный в нескольких драках. Он надел кастет на руку и опять улёгся на свой сундук, держа правую руку в кармане, а в левой «Дочь Монтесумы».

Он читал, как несчастного пленника привязывают к каменному алтарю, чтобы принести его в жертву богам, как зловещий жрец ацтеков приближается к нему с жертвенным ножом. В этот момент в комнату вошёл Максим, держа в руках собачью плеть.

— Считаю до трёх, — сказал он. — Ра-аз... Два-а... Три-и!

Дальнейшее Максим описывал своим приятелям так:

— Да-а... Такого я ещё никогда не видел... Чтобы человек прыгал с положения лёжа на спине. От сундука до двери минимум шесть метров. Так он взвился в воздух и, как тигр, прямо мне на голову. Слово его ножом ткнули. Я с плетью, а он на меня с кастетом.

— Неужели? — удивлялись приятели.

— Да-а... Ох же и свалка получилась. Шкаф вдребезги разломали. У стола две ножки отломали. Про стулья я уж и не говорю — одни щепки остались. Потом я специально сундук проверял — так аж крышка треснула. Это он спиной продавил, когда на меня прыгал. Одна только печка целая осталась.

— Кто же победил?

— Вничью! — с некоторой гордостью за младшего брата говорил Максим. — Его в школе так и прозвали — бугай! Никто с ним справиться не может. Он на турнике уже солнце крутит.

— Кто же пошёл за углём?

— Мать пошла. Тогда он у неё ведро забрал, а мне говорит: «Ну, погоди до следующего раза!» Вот же чертяка. Но зато на него можно положиться.

И в этом отношении Максим не ошибся: если младший брат сказал что-нибудь, то на него можно было положиться. До следующего раза ждать пришлось недолго.

В школе, где учился Борис, состоялся вечер самодеятельности. После самодеятельности были танцы в гимнастическом зале, а по-

сле танцев, как обычно, драка на улице с учениками соседней школы. В самый разгар схватки одноклассник Бориса Иван Странник ни с того ни с сего поднял стрельбу в воздух из маузера, который он стащил у своего отца, работавшего цензором в горсовете. Не зная, кто стреляет, обе партии пустились врассыпную. Первым, испугавшись собственной храбрости, убежал сам Иван, предварительно сунув пистолет Борису.

На следующее утро Борис сидел у себя в комнате и в ожидании Ивана из любопытства разбирал огромный маузер. Зачем-то в комнату вошёл Максим. Увидев в руках младшего брата настоящий пистолет, да ещё маузер, он так растерялся, что сначала даже ничего не сказал, а вышел и стал о чем-то шептаться с матерью.

— Борис, походи, принеси дров из погребка! — попросила мать.

Тот собрал свой маузер и, положив его в карман, отправился в погреб. Уполномоченный НКВД воспользовался этим, чтобы обыскать комнату младшего брата. Не найдя пистолета, он схватил с вешалки злосчастную собачью плётку, которая в его представлении являлась символом власти в доме, и выскочил во двор вслед за Борисом.

— Дай сюда пистолет! — скомандовал он.

— Не дам, — твёрдо ответил младший, запуская руку в карман.

Старший поднял плеть:

— Да или нет?

Вместо ответа младший вытащил руку из кармана, и в лицо брата ударил дым и огонь пистолетного выстрела. Максим застыл с поднятой рукой, а ему в упор, как из огнетушителя, плескали выстрелы из крупнокалиберного пистолета. Он попятился к крыльцу.

— Брось плеть! — скомандовал теперь Борис. — Руки вверх!

Уполномоченный НКВД послушно бросил плеть в снег и поднял руки.

— Заходи в дом! — приказал Борис. — Быстро!

Когда старший брат скрылся за дверью, младший, как заяц, махнул через забор. Если придёт милиция, то пусть Максим сам оправдывается, почему подняли стрельбу среди бела дня. Тем временем Борис по глубокому снегу, в одной рубашке, поддерживая штаны, спадающие от тяжести болтавшегося в кармане пистолета, добрался до Ивана и отдал ему маузер. Как Иван объяснял своему отцу недостачу патронов, осталось неизвестным.

Вечером, узнав о происшествии, доктор Руднев ворчал:

— У нас предки из казаков, а потому у нас в роду есть где-то польская кровь. И турецкая тоже есть. Видно, Максим в поляка пошёл: пенонзев не маем, зато гонор маем. А вот Борис чистый турок, прямо башибузук.

Максим чувствовал себя героем дня и хвалился:

— Борька в меня стрелял, стрелял — и ни разу не попал.

— Так ведь я ж тебе мимо ушей целил, — неохотно сообщил школьник. — Как укротитель в цирке.

В досках старого флигеля было много дырок от выдернутых гвоздей. Позже Максим показывал эти дырки своим приятелям и с гордостью рассказывал:

— Видите, это Борька в меня стрелял. Весь дом изрешетил. Ох же и отчаянный он у меня!

Есть люди, которые не могут жить со своими ближними на равных правах. Они всегда стараются быть господами, но если это не получается, тогда они сами лезут в слуги к тому, кто оказался сильнее. Так вот и Максим. Не в состоянии подчинить себе младшего брата, он не только уравнивал его в правах, но даже стал немного заискивать перед ним. Стараясь завоевать его доверие, несмотря на большую разницу в возрасте, он часто приглашал его в компанию своих знакомых и делился с ним всеми своими секретами. Борис же, наученный опытом, держался немного настороже и сохранял безопасную дистанцию.

Разница между братьями проскальзывала во многом. Максим был сухощавый и с тонкой костью, с серыми глазами и светлыми, слегка вьющимися волосами, которыми он очень гордился. Губы у него были узкие, нервные, властные. По этому поводу он утверждал, что такой же рот был у Ницше и Шопенгауэра. Студентом он увлекался лёгкой атлетикой, хорошо плавал и бегал на лыжах. Борис же, широкоплечий и темнокожий, предпочитал тяжёлую атлетику и гимнастику на снарядах. Старший брал на вспышку, а младший на выдержку.

У Максима всегда было много друзей, которые довольно быстро менялись. У Бориса друзей было меньше, но зато они почти не менялись. Максим постоянно брал у своих друзей книжки. И постоянно бывшие приятели Максима приходили к Борису и, немного смущаясь, просили вернуть книжки, которые старший брат взял у них почитать несколько лет тому назад.

Когда Борис перешёл в 8-й класс, он увлёкся охотой и купил себе «фроловку» с магазином на четыре патрона. Вместо картечи он зарядил ружьё рублеными кусками свинцовой трубы. Как и полагается настоящему охотнику, он повесил заряженное таким образом ружьё в изголовье своей кровати.

Однажды, вернувшись из школы, он уже на пороге почувствовал острый запах охотничьего пороха. Ружьё валялось на постели, а по дубовой доске стола, где Борис готовил свои уроки, расходился рваный, щерблённый след выстрела. Заряд рубленого свинца косо резанул по столу и засел глубоко в стене. У Бориса ёкнуло сердце: что, если... Он оглянулся по комнате, ища следы крови. Убедившись, что крови нет, он пошёл искать Максима. Тот сидел на кухне в своей щегольской форме НКВД и со смущённым видом.

— Ну, как ружьё стреляет? — словно между прочим спросил младший. — Хорошо?

— Да, знаешь, я хотел показать знакомым... А оно вдруг выстрелило...

— Удивляюсь, как это никому в живот не попало. Тебе определённо везёт.

Уполномоченный НКВД посмотрел на брата и моргнул белёсыми ресницами:

— Скажи, а тебе меня не жалко?

— Мне стол жалко, — ответит тот. Максим и здесь не упустил возможности похвастаться своим приятелям:

— Вот у моего Борьки нервы. Ружьё выстрелило, так ему не меня жалко, а какой-то паршивый стол.

Не то чтобы Борис не любил брата. Нет, он просто знал, что если с Максимом обращаться по-хорошему, то он сейчас же сядет ему на шею.

Собачья плётка, которую так любил Максим, принадлежала немецкой овчарке Рексу. Когда-то Борис собственноручно выбрал щенка в подмосковном питомнике служебных собак и за пазухой привёз его домой вместе с длинной родословной. Чистокровный щенок вырос в огромного, чёрного, как уголь и на редкость умного пса. Летом Борис спал на веранде, а Рекс сидел рядом на цепи и охранял своего хозяина. Пёс он был довольно серьёзный и не давал спуска окрестным хулиганам, которые не раз грозились при-

травить его. Больше всех грозился Фёдка Косой, который командовал всем окрестным хулиганьём.

В один солнечный зимний день, как раз после снегопада, Борис вышел во двор, чтобы расчистить снег. У порога, в судороге вытянув задние лапы, лежал Рекс. Он уткнулся носом в ступеньки, из чёрных шершавых ноздрей сочилась кровь. От порога к улице по свежевыпавшему снегу тянулся длинный кровавый след. Верный пёс дополз до порога, но подняться по ступенькам у него уже не хватило сил.

Борис нагнулся, потрогал рукой ещё тёплое, но уже безжизненное тело собаки. Потом он кинулся в дом и сорвал со стенки ружьё. На ходу щёлкая затвором, он яростно крикнул Максиму:

— За мной! Рекса отравили! Где Фёдка Косой? Я этого гада...

Младший брат как бешеный носился по снегу с ружьём на изготовку, разыскивая убийцу своего любимого Рекса. А следом за ним носился старший брат и тщетно пытался отнять у него ружьё. С улицы прибежали мальчишки:

— Дяденька, дяденька... Да вашего Рекса машина переехала... Мы сами видели. А Фёдки Косого тут и близко не было...

Только тогда Борис успокоился и поставил ружьё на предохранитель. После этого Максим в первый раз пожаловался матери:

— Собаку Борька любит, как человека. А вот я для него — пустое место.

В пункте женщин Максим любил ухаживать за чужими жёнами, как он выражался, за дамочками, и даже обосновывал почему:

— Двойная победа и никакой ответственности.

По молодости лет Борис ещё не понимал, что это значит, но упрямо возражал:

— Это всё равно, что воровство.

— Это по законам Моисея так, — усмехался уполномоченный НКВД. — Но теперь не то время.

Соответственно этому Максим и женился — тоже на чужой жене. В глазах Бориса у Ольги, жены Максима, имелось два минуса. Первое — что она кончила не институт, а только мукомольный техникум. И второе — что она бросила своего первого мужа. И вместе с тем Борис оказался косвенной причиной этого брака.

Борис часто бывал на вечеринках в доме своей одноклассницы Ирины. А Ольга жила у них в семье в качестве квартирантки.

На вечеринках школьники играли в обтрёпанный «флирт цветов», в фанты с робкими поцелуями и танцевали под патефон. Потом стучали в дверь квартирантки:

— Ольга, присоединяйся к нам!

Та выходила из своей комнаты, всегда кутаясь в большой белый платок из ангорской шерсти, словно её знобило. Фигура у неё была так себе, ничего особенного, но зато лицо... Это было лицо мадонны, красоты редкостной, неземной. Вела она себя, как пришелец из чужого мира, и всегда немного скучала. Она никогда не смеялась, а только слабо улыбалась, да и то как-то про себя. Танцевала она неохотно, как деревянная, а если при игре в фанты доходила её очередь целоваться, то она поджимала губы и отворачивалась.

— Не обращайтесь внимания, — шептала Ирина. — Она хорошая девушка, только немножко самовлюблённая.

Жили они по соседству, недалеко от Петровского парка. Однажды в этом парке погожим весенним вечером застрелился студент. Он спокойно сидел на скамейке, мечтая о чём-то, потом вдруг вытащил из кармана наган и выстрелил себе в рот. В другом кармане самоубийцы нашли письмо — на имя ангелоподобной Ольги. Оказывается, он учился с ней в одном техникуме. Об этом поговорили, поговорили — и забыли. Мало ли всяких чудаков?

Но через несколько месяцев, когда на дворе стояла поздняя осень, произошла новая неприятная история. Бориса вызвали к директору школы.

— Вы с Завалишиным дружили? — спросил директор.

— Да, я с ним на охоту ходил.

— Так вот — Завалишин застрелился... Из этого самого ружья. Он вам ничего не говорил... такого?

— Нет, совершенно ничего.

— Хорошо... Пойдите к нему домой — от лица комсомольской организации. Возьмите с собой Ивана Странника, ведь это его двоюродный брат... Помогите там чем-нибудь.

Холодное ноябрьское утро. Стук подошв по голой промёрзшей земле. Маленький домик на Песчаной улице. Убитая горем мать и тёмные пятна по стенам — следы крови. На потолке дырки — от той самой картечи, которую они ещё недавно вместе катали из рубленого свинца. К штукатурке прилипли какие-то бесформенные серые кусочки — это то, что осталось от мозга его товарища по охоте.

Утром, вместо того чтобы идти в школу, Завалишин сел в кресло, приставил двустволку к виску и пальцем босой ноги спустил курки. Выстрелом одновременно из двух стволов, заряженных картечью, ему начисто оторвало голову. На столе лежало предсмертное письмо. Не матери, у которой он был единственным сыном, нет — ангелоподобной Ольге. Письмо было конфисковано милицией, но и так всё понимали, что там написано.

Тихий и замкнутый парень, Завалишин всегда держался в стороне от других подростков. Ничем он особенно не выделялся — ни в учёбе, ни в спорте. Знаменит он стал только после смерти. Его самоубийство, среди школьников вещь необычайная, вызвало много разговоров и ещё больше недоумения. Ирина пыталась оправдать свою квартирантку:

— Да Ольга здесь вовсе и ни при чём!

— А почему он написал письмо именно ей, а не кому-нибудь другому? — спрашивали школьники.

— Не знаю. Они встречались только у меня на вечеринках. И это всё.

— Ну а тот студент, что застрелился в парке?

— Там тоже ничего не было. Когда-то она пошла с ним один раз в кино, и это всё. А за его дальнейшие поступки она не отвечает.

Школьники неодобрительно качали головами:

— Всё равно, твоя Ольга какая-то недоделанная.

— Просто у неё рыба кровь, — возражала Ирина. — Потому она всё время и мёрзнет. Она даже не может спать по ночам и, чтобы согреться, лезет ко мне под одеяло...

Вскоре после этого красавица Ольга вышла замуж за человека, которого она почти не знала, как говорится, за первого попавшегося. Злые языки шептали, что этим она только хотела избавиться от неприятных разговоров в связи с двумя самоубийствами. У каждого найдутся завистники и недоброжелатели, которые только и ждут предлога посплетничать. В довершение всех бед сразу же после свадьбы мужа Ольги забрали на три года в армию, и она осталась на положении соломенной вдовы. Теперь люди жалели её. А дальше получилось так.

На фотографиях, которые Борис снимал во время вечеринок, Максим заметил ангелоподобное личико Ольги и с видом специалиста потянул носом:

- Кхм... кхм... Кто это такая?
- Да так — ни рыба ни мясо.
- Слушай, познакомь меня с ней!
- Опоздал. Она уже замужем.
- Что, дамочка? Так это самое хорошо.
- Как сказать. Из-за неё уже два человека застрелились.
- Ничего. Ты только познакомь, а остальное — это моё дело.

Максим устроил для своих друзей вечеринку, а Борис пригласил на неё соломенную вдову, которая скучала без мужа. Ольга появилась, как всегда, кутаясь в свою белую шаль, и в этот вечер Максим потерял своё сердце.

Спали братья в соседних комнатах, и раньше младший часто подсмеивался, что старший имеет привычку разговаривать во сне. Но теперь Борис не смеялся. Почему-то ему было даже жалко брата, которого Ольга словно заморозила. Каждую ночь Максим судорожно ворочался в постели и беспокойно бормотал:

- Оля... Милая... Оленька...

Но Максиму повезло. Ни много ни мало, ровно через месяц, красавица Ольга развелась со своим отсутствующим первым мужем и вышла замуж за Максима. На свадьбе Борис, как зачинщик нового счастья, сидел на почётном месте — по другую сторону новобрачной. После свадьбы старший брат ушёл из родной семьи и поселился со своей женой на отдельной квартире в новых домах для работников НКВД.

Вскоре у них родилась дочка. По всему было видно, что Максим очень счастлив, что он боготворит свою молодую жену и страшно гордится ребёнком. Он стал солиднее, серьёзнее и если хвастался, то только своей женой. В родительский дом он заходил редко. Получив повышение по службе, он был очень занят и всё свободное время проводил в собственной семье.

Глава 2

ГДЕ НИКТО РОЖДАЕТ НИЧТО

«Поверь, Горацио, что на земле и в небе более чудес, чем случилось всей людской премудрости».

Шекспир, Гамлет

Во флигеле было два входа: с балкона — парадный и с кухни — чёрный. Однажды зимней ночью Борис проснулся от настойчивого звонка с парадного входа. Недоумевая, кто это трезвонит среди ночи, он накинул на голые плечи шубу и спросил через дверь:

— Кто там?

— Это я... Открой... — услышал он голос старшего брата. Ещё полупьяный от сна, младший откинул болт, снял цепочку, повернул английский замок и открыл дверь. На дворе холод, снег и луна. На фоне освещённого луной снега тёмная фигура Максима в длинной военной шинели. Лица его не видно, к груди прижат какой-то большой свёрток. Не переступая порога, он протянул свёрток Борису:

— Держи! Осторожно...

Тот почувствовал у себя на руках что-то мягкое, тёплое, шевелящееся и понял, что это закутанный в одеяло ребёнок.

— Передай матери, — глухо сказал Максим. — Она знает, что делать... — Он повернулся и зашагал по залитому луной снегу. На улице зашумел мотор автомашины, и Борис остался один с ребёнком на руках.

Ничего не понимая, он разбудил мать и передал ей плачущего грудного младенца. Утром Максим позвонил по телефону, ещё раз попросил позаботиться о дочери, но больше ничего не сказал. Вечером обеспокоенная мать поехала к нему на квартиру, чтобы узнать, что случилось, но дверь квартиры Максима была опечатана красными сургучными печатями НКВД. Сначала подумали, что

Максим арестован. Но он каждый день звонил со службы, справлялся о здоровье ребёнка и на все вопросы отвечал:

— Не спрашивайте меня ни о чём...

Через неделю он появился в родительском доме. Небритый, с осунувшимся лицом и воспалёнными глазами, в измятой форме и нечищенных сапогах, он выглядел так, словно эти дни он спал не раздеваясь. Сняв шинель, он молча прошёл к кровати, где лежала его маленькая дочь.

— Максим, скажи хоть, что случилось? — робко спросила мать.

— Ничего... — поморщился тот. — Я буду жить у вас...

— А как же Ольга?

— Она... Её здесь не будет...

— Почему? Что у вас произошло?

Сидя на краю кровати и глядя на ребёнка, Максим словно не слышал ничего. Потом он пробормотал каким-то чужим хриплым голосом:

— Она покончила с собой... Её уже похоронили... И не спрашивайте у меня больше ничего...

Он устало поднялся, деревянным шагом прошагал в свою комнату и закрыл за собою дверь. В горе одни ищут утешения со стороны, другие, наоборот, уединения. Чувствуя, что Максим избегает всякого сочувствия, домашние решили оставить его в покое, пока он переживёт своё горе.

Каждый день, приходя со службы, Максим запирался у себя в комнате. Чтобы попасть в свою комнату, Борис вынужден был проходить через комнату брата. Тот часами лежал пластом на диване, не шевелясь, как разбитый параличом, устремив глаза в одну точку и думая о чём-то. Или он неподвижно сидел за своим письменным столом и остановившимся, невидящим взглядом смотрел в тёмную ночь за окном, будто сиюсья понять что-то непостижимое.

Войдя однажды в комнату, Борис увидел, что Максим сидит за столом, смотрит в пустое окно, а пальцы его играют маленьким браунингом. Он даже не слышал, как брат вошёл в комнату.

— Максим! — тихо окликнул младший. Старший вздрогнул, будто очнувшись от транса:

— Что такое?

— Дай-ка мне эту игрушку! — протянул руку Борис. Максим растерянно посмотрел на браунинг, словно недоумевая, как он по-